

Е. В. Меженина

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

Поступила в редакцию 20.02.2023 г.

Принята к публикации 03.04.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-2

14

Для цитирования: Меженина Е. В. Возбуждение уголовных дел о преступлениях в сфере экономики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канга. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 14–24. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-2.

В настоящее время нормы закона о возбуждении уголовных дел, объектом посягательства в которых являются отношения в сфере экономики, отличаются противоречивостью. Порядок уголовного преследования этих преступлений также не определен с должной для закона четкостью. Цель научного исследования состоит в выработке оптимального порядка возбуждения данных уголовных дел и определении наиболее подходящего порядка их расследования. При проведении исследования использовались методы компаративистики, анализа и синтеза. С помощью сравнительного метода сопоставлялись нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации о возбуждении уголовных дел в сфере экономики. В частности, сравнивалось содержание ч. 3 ст. 20 УПК РФ и гл. 23 УК РФ. В итоге исследовательской работы предлагается изменить формулировку условия, при котором применяется частно-публичный порядок уголовного преследования преступлений в сфере экономики, сместив акцент с факта причинения вреда на направленность самого деяния (ч. 3 ст. 20, ст. 23 УПК РФ). Кроме того, предлагается включить составы главы 23 УК РФ в перечень дел частно-публичного обвинения с целью выработки единого четкого порядка возбуждения этих дел.

Ключевые слова: экономические преступления, судопроизводство, право, юриспруденция, экономика

Тенденции в развитии современного судопроизводства свидетельствует о выделении экономических, коммерческих правоотношений как объекта, требующего исключительных по характеру способов охраны. В связи с этим форма уголовного преследования за совершение преступления в сфере экономики зависит от объекта посягательства. С 2012 г. законодатель причислил некоторые из них к категории дел частно-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) [21]. В то же время в ст. 23 УПК РФ особо оговариваются условия возбуждения уголовных дел о коммерческих преступлениях (гл. 23 УК РФ), которые также яв-

ляются экономическими по родовому объекту. И в том, и в другом случае уголовное дело может быть возбуждено по заявлению лица в защиту собственных интересов.

Выбор определенного порядка уголовного преследования подробно рассматривали Л. А. Александрова и Е. Ю. Никифорова [3, с. 25], тем не менее надо отметить различие предписаний ч. 3 ст. 20 и ст. 23 УПК РФ.

Общая характеристика преступлений в сфере экономики с позиции применения уголовно-процессуальных норм о порядке возбуждении уголовного дела

Некоторые экономические преступления отнесены к категории дел частного-публичного обвинения условно — в зависимости от субъекта и цели их совершения [6]. Определяющий субъект преступления в данном случае — индивидуальный предприниматель или член органа управления юридического лица. Его деятельность должна преследовать коммерческие цели и может быть связана с управлением организацией для получения прибыли.

Часть 3 ст. 20 УПК РФ особо отмечает некоторые преступления в сфере экономики (раздел VIII УК РФ). Из направленных против собственности в частно-публичном порядке преследуются все преступления, совершенные путем мошенничества, присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ), а также причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), если они связаны с коммерцией [7, с. 87].

Например, законодатель выделил виды мошенничества, частного-публичный порядок преследования которых определяется наличием условий: специальным субъектом совершения преступления и сферой его деятельности. Квалифицированные виды этого деяния, связанные с предусмотренным заранее неисполнением договорных обязательств (ч. 5—7 ст. 159 УК РФ), предполагают безусловное преследование в частно-публичном порядке, поскольку предпринимательская деятельность связана с коммерческим риском и целью извлечения прибыли (ст. 2, п. 1 ст. 23 ГК РФ), в основе чего лежат договорные отношения.

Остальные составы преступлений, совершенных в экономической сфере и преследуемых в частно-публичном порядке, так же определены в ч. 3 ст. 20 УПК РФ простым закрытым перечнем. Особо среди них выделяется ч. 1 ст. 201 УК РФ — злоупотребление полномочиями в сфере коммерческой деятельности, то есть преступление, видовым объектом которого является коммерческая деятельность, и, соответственно, включенное в отдельную 23 главу УК РФ. В то же время для всех составов, охватываемых этой главой, предусмотрен специальный порядок возбуждения уголовного дела (ст. 23 УПК РФ).

Значение причиненного преступлением вреда

Также должны быть учтены такие обстоятельства, как последствия деяния: причиненный вред определяет порядок уголовного преследования по делам о преступлениях, охватываемых соответствующими со-

ставами. Если в случае применения ч. 3 ст. 20 УПК РФ частно-публичный порядок исключается при причинении вреда государственным или муниципальным интересам (при этом уголовное дело возбуждается в соответствии со ст. 21 УПК РФ), то по ст. 23 УПК РФ дополнительно учитываются ущемленные деянием интересы и права граждан, что также влечет возбуждение уголовного дела в публичном порядке. Исключение составляет причинение гражданину вреда преступлением, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 201 УК РФ. В этом случае уголовное дело возбуждается в частно-публичном порядке, как это предусмотрено ч. 3 ст. 20 УПК РФ.

Таким образом, согласно ст. 23 УПК РФ особое значение при определении порядка возбуждения уголовного дела имеет причиненный деянием вред. Тем не менее глава 23 УК РФ содержит и формальные составы [23, с. 46]. В этой связи представляется интересной ст. 204 УК РФ, предусматривающая наказание за коммерческий подкуп. Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее — постановление Пленума №24) оконченным преступлением считается коммерческий подкуп, если его предмет помещен в условленное место, к которому получатель имеет доступ. Ему вторят пункты 15 и 16: преступление, совершаемое группой лиц, считается оконченным с момента получения вознаграждения хотя бы одним ее участником. В соответствии с п. 24 также квалифицируется получение лицом коммерческого подкупа вне зависимости от готовности совершить обещанное действие (бездействие), соответствующее его полномочиям [17].

В то же время пункт 11 постановления Пленума №24 содержит несколько иной подход к пониманию момента окончания преступления, связанный с конкретизацией предмета подкупа, под которым понимается незаконное оказание услуг имущественного характера. Преступление считается совершенным с начала выполнения действий, непосредственно направленных на приобретение имущественных выгод [17].

Может ли в этом случае наступление вреда являться обязательным элементом преступления? Представляется удачным и обоснованным мнение П. Яни: вред в преступлениях, составы которых принято называть формальными, презюмируется самим фактом совершения деяния [24, с. 36]. Подкупом служащего подрывается авторитет организации, причиняется вред ее деловой репутации, предусмотренный ст. 42 УПК РФ и являющийся фактическим основанием признания юридического лица потерпевшим. Такая позиция примиряет различные подходы уголовного и уголовно-процессуального законодательства к значению причиненного преступлением вреда как признака преступного деяния.

Тем не менее, чтобы избежать противоречий в применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства, предлагается заменить формулировку условия применения частно-публичного порядка уголовного преследования — «причинение вреда...» (ч. 3 ст. 20, ст. 23 УПК РФ), на «направленность деяния...».

Особенность повода к возбуждению уголовного дела

Начало уголовного преследования в частно-публичном порядке связано с наличием специального повода — заявления потерпевшего [13]. Неслучайно ч. 3 ст. 20 УПК РФ не предусматривает причинение вреда физическому лицу как обстоятельство, наличие которого необходимо для публичного преследования. В то же время специальным поводом для начала расследования преступлений, ответственность за которые предусмотрена главой 23 УК РФ, служит только заявление «коммерческой или иной организации»¹ либо согласие ее руководителя [9, с. 40].

Согласно приговору Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга, М. и З., используя служебное положение, присваивали вверенные им коммерческим предприятием (ООО) денежные средства и совершали с ними различные сделки для их легализации, то есть совершали преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 160 и п. «а», «б» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ (уголовное преследование по которой прекращено с применением п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Осужденные обжаловали решение суда в связи с нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку заявление о совершении преступления, поданное ненадлежащим лицом, законным поводом для возбуждения уголовного дела не является. Согласно уставу ООО, заявление о привлечении к уголовной ответственности может быть подано только с согласия органа управления, но он не был поставлен в известность. Не был определен и статус заявителя, обратившегося в правоохранительные органы как генеральный директор организации. В апелляционной жалобе на приговор М. и З. обратили внимание на оспаривание со стороны ООО факта его избрания на эту должность и предоставление им сфальсифицированного протокола общего собрания участников общества в арбитражный суд, вследствие чего в отношении него было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 303 УК РФ. Проверив доводы жалобы, апелляционный суд отменил приговор и прекратил уголовное дело по п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [4].

Это уголовное дело могло бы быть возбуждено по заявлению потерпевшего — юридического либо физического лица. Однако в случае применения ст. 23 УПК РФ заявление последнего было бы поводом к началу уголовного преследования в публичном порядке. Вред, причиненный деянием гражданину, оговаривается этой статьей как обстоятельство наряду с ущербом, причиненным государственным или муниципальным интересам. Исключением являются случаи привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 201 УК РФ, когда применяется ч. 3 ст. 20 УПК РФ.

Законодатель не называет составы, объединенные гл. 23 УК РФ, делами частно-публичного обвинения — для их возбуждения не является специальным поводом заявление потерпевшего — физического лица.

¹ Это следует из названия ст. 23 УПК РФ «Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации».

Тем не менее акционеры, иные участники коммерческой организации являются одновременно гражданами, чьи права гарантируются не только гражданским законодательством. Вред их интересам может быть причинен деянием опосредованно — как участникам коммерческого объединения.

В связи с этим интерес представляет гражданский иск о притворном договоре, рассмотренный арбитражным судом Калининградской области [19]. Акционером ЗАО «ИНМАР» путем заключения договора мены 49 % акций общества были переданы в собственность Л., не являвшегося его участником. Решением суда этот договор был признан притворным, поскольку им нарушалось преимущественное право покупки ценных бумаг акционерами ЗАО. Как известно, акции — часть капитала компании, инструмент распределения ее прибыли, поэтому распоряжение ими не может не затрагивать интересов вкладчиков. С другой стороны, притворная сделка вполне может быть истолкована как попытка вывести капитал посредством обмана или злоупотребления доверием акционеров — согласно п. 2 ст. 170 ГК РФ она совершается с целью прикрыть другую сделку. В зависимости от обстоятельств такие действия могут свидетельствовать о злоупотреблении полномочиями (ст. 201 УК РФ).

Получается, если в результате совершения деяния, ответственность за которое предусмотрена ст. 201 УК РФ, пострадает гражданин (в том числе — акционер организации), то уголовное дело может быть возбуждено в порядке ч. 3 ст. 20 УПК РФ. Если пострадают интересы юридического лица и заявление будет подано его директором, уголовное дело возбуждается в соответствии со ст. 23 УПК РФ [1, с. 75]. При этом оно не будет относиться к категории частно-публичного обвинения: предполагается возможность начала производства при поступлении любого другого сообщения о преступлении — важно, чтобы было согласие руководителя организации. Тем не менее интересы юридического лица и его участника в большинстве случаев совпадают. При такой двойственности может возникнуть возможность злоупотребления правом: при причинении деянием вреда коммерческой организации и ее акционерам можно применять либо ч. 3 ст. 20, либо ст. 23 УПК РФ, либо гражданское или административное законодательство.

Такое злоупотребление исключается с учетом формы предприятия, при этом может отпасть необходимость наличия специального повода для возбуждения уголовного дела. Соответственно, это имеет значение и для определения порядка уголовного преследования [8, с. 26].

По результатам проверки сообщения о преступлении — постановления прокурора, поступившего в порядке п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, следственным органом было возбуждено уголовное дело в отношении директора МУП «Жизнеобеспечение и благоустройство города». Деяние было квалифицировано по ч. 1 ст. 201 УК РФ, поскольку он, заключив договоры с коммерческими организациями, нанес ущерб предприятию. Постановление о возбуждении уголовного дела было обжаловано его защитником в порядке ст. 125 УПК РФ. В жалобе было обращено

внимание на незаконность решения, поскольку специальный повод для его принятия, указанный в ст. 23 УПК РФ, отсутствовал. Московский городской суд Кемеровской области, рассмотревший жалобу, оставил ее без удовлетворения, придя к выводу, что в результате совершения деяния были ущемлены права работников предприятия, причинен вред муниципальным интересам [5]. Муниципальное унитарное предприятие (МУП) является коммерческой организацией с капиталом, предоставленным ей государством. Соответственно, правом собственности на это имущество и распоряжения прибылью она не обладает [22].

Привлечение к административной ответственности при совершении коммерческих преступлений

19

В иных случаях отсутствие заявления потерпевшего может повлиять на оценку возникших правоотношений как предмета регулирования той или иной отрасли права. Например, содержание диспозиции ч. 1 ст. 180 УК РФ сходно по смыслу с текстом ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ — незаконное использование средств индивидуализации товаров влечет либо уголовную, либо административную ответственность. Признаками объективной стороны преступления в данном случае будет неоднократность или причинение крупного ущерба. Тем не менее декриминализирующим деяние будет и такой уголовно-процессуальный признак, как отсутствие заявления потерпевшего, поскольку преследуется оно в частно-публичном порядке (ч. 3 ст. 20 УПК РФ).

Так, транспортная прокуратура г. Сургута возбудила административное производство по ч. 2 ст. 14.10 КоАП РФ (по факту реализации юридическим лицом контрафактной продукции) после того, как в возбуждении уголовного дела было отказано, поскольку заявления потерпевшего не поступало (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) [16]. Безусловно, административная санкция в виде штрафа до 40 тысяч рублей с конфискацией товара не могла не затронуть интересов участников этого коммерческого предприятия, но их позиция имела решающее значение по вопросу применения той или иной отрасли права, а выбор очевиден при условии, что с заявлением об уголовном преследовании не обратится сам владелец товарного знака или иного средства индивидуализации продукта. Если он все-таки решит настаивать на защите нарушенных прав в порядке уголовного судопроизводства, то применению подлежит п. 7 ст. 24.5 КоАП РФ, предусматривающий прекращение административного производства при наличии постановления о возбуждении уголовного дела. Можно утверждать, что в этом случае заявление потерпевшего создает ситуацию открытия новых обстоятельств, криминализирующих деяние.

В связи с этим интересно содержание п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ №24, допускающего применение по одному и тому же факту коммерческого подкупа уголовную (ст. 204 УК РФ) и административную ответственность (ст. 19.28 КоАП РФ) при условии, что

в первом случае будет привлечено физическое лицо, а во втором — юридическое [2, с. 55]. При этом предмет подкупа должен передаваться от имени одной организации, а коррупционные действия совершаться в интересах другой [18]. При соблюдении условий ст. 23 УПК РФ уголовное дело об этом преступлении может быть возбуждено только по заявлению руководителя организации или с его согласия. При отсутствии заявления юридическое лицо понесет административную ответственность, а физическое лицо, совершившее коммерческий подкуп, за свои действия отвечать не будет.

Тем не менее санкции норм КоАП РФ нешуточные: незаконное вознаграждение от имени юридического лица, совершенное в крупном размере, предполагает наложение административного штрафа не менее 20 млн руб. с конфискацией имущества (ч. 2 ст. 19.28 КоАП РФ). То же деяние, совершенное в особо крупном размере, влечет административный штраф не менее 100 млн руб. (ч. 3 ст. 19.28 КоАП РФ) — наказание, которое вполне может привести к дальнейшему банкротству предприятия. Зная это, его руководитель или акционеры добровольно не подадут заявление в правоохранительные органы о привлечении к уголовной ответственности лица, совершившего коммерческий подкуп, являющийся, по сути, незаконным вознаграждением. Физическое лицо, будучи акционером организации, в таком случае фактически понесет двойную ответственность за совершенное деяние, поскольку является ее бенефициаром [15, с. 59].

Можно было бы утверждать, что п. 28 постановления Пленума № 24 противоречит п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, перечисляющей, в числе прочих, такое основание для прекращения административного производства, как наличие постановления о возбуждении уголовного дела по факту совершения этого же деяния. Но ст. 19.28 КоАП РФ предполагает привлечение к ответственности юридического лица, к уголовной же ответственности может быть привлечено только физическое. Тем не менее уголовное наказание по ст. 204 УК РФ (по ч. 8 — до 5 млн руб.), совпадая с административным — потеря прибыли, имущества или самого предприятия в случае его банкротства вследствие применения наказания, — фактически становится параллельной ответственностью для физического лица.

Схема одновременного привлечения к разным видам ответственности за деяние физического и юридического лица имеет и другие слабые стороны. Если по уголовному делу вынесен оправдательный приговор, а предприятие, подвергнутое административному штрафу, в связи с этим уже обанкротилось, право на реабилитацию возникнет только у оправданного.

Определение вида уголовного преследования по делам о коммерческих преступлениях

Дифференциация уголовно-процессуальной формы заставляет задуматься, создает ли ст. 23 УПК РФ при всех перечисленных особенностях отдельный порядок производства или коммерческие преступления

можно отнести к делам частно-публичного, а то и частного обвинения? Особый подход к производству по делам о преступлениях, перечисленных в гл. 23 УК РФ, напоминает гражданско-правовой принцип невмешательства государства, предоставляющий коммерческому предприятию полную свободу действий в распоряжении своими средствами, пока эти действия не причинили вреда интересам других организаций, граждан, общества или государства.

С. В. Изосимов относит дела о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях к возбуждаемым в порядке частного обвинения [10, с. 26]. Его точка зрения косвенно подтверждается позицией Пленума Верховного Суда, выраженной в п. 31 постановления № 24 [18], где говорится о возможности уголовного преследования за коммерческий подкуп только при наличии заявления руководителя организации или с его согласия. По смыслу понятие «возбуждение уголовного дела» гораздо уже и конкретнее, охватывает только одну стадию и итоговое ее решение, что и предполагается содержанием ст. 23 УПК РФ.

Уголовное преследование представляет собой систему действий, состоящих в формулировании и обосновании выводов о совершении подозреваемым или обвиняемым преступления [14, с. 25]. В эту систему В. М. Савицкий и А. М. Ларин включают задержание подозреваемого; применение к нему меры пресечения; привлечение лица к участию в деле в качестве обвиняемого; назначение судебно-психиатрической экспертизы; составление обвинительного заключения или постановления о направлении дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера; представление в суд заявления потерпевшего-обвинителя о совершении преступления по делу частного обвинения; обвинительные речи [20, с. 180]. Уголовное преследование прекращается при прекращении уголовного дела или постановлении приговора. Исходя из данного понятия, С. В. Изосимов утверждает, что, поскольку речь идет об уголовном преследовании в целом, волеизъявление пострадавшей стороны будет иметь значение на протяжении всего расследования преступления [11, с. 7]. Если потерпевший станет возражать против дальнейшего производства, то уголовное дело о коммерческом преступлении необходимо будет прекратить. При этом неизбежно возникнет вопрос о процессуальных пределах согласия на привлечение к уголовной ответственности: сначала можно возбудить уголовное дело, а перед, например, привлечением лица в качестве обвиняемого испросить его.

И тем не менее данный случай нельзя относить к категории как частного, так и частно-публичного обвинения. Дело в том, что ст. 23 УПК РФ нельзя отнести к какому-то конкретному составу — под эти положения могут подпадать все статьи гл. 23 УК РФ. Непричинение вреда интересам граждан, общества или государства — это факт, которого может и не быть при совершении деяния. Это — единственное условие возбуждения уголовного дела исключительно по заявлению руководителя предприятия. Что же касается производства по делам частного обвинения, то там никаких ограничительных условий не существует: вред, причиненный деянием, определяет конкретное частное

лицо, исходя из собственных моральных и психологических установок. Поэтому возникает и возможность поддерживать обвинение в частном порядке, и возможность примирения сторон.

Тем более что различие в причинении вреда исключительно интересам предприятия или более широкому кругу лиц (как физических, так и юридических) на квалификацию «коммерческих» преступлений не влияет. К делам частного обвинения нельзя отнести составы преступлений, перечисленные в гл. 23 УК РФ, еще и потому, что они разные по своей уголовно-правовой природе.

Подобная позиция была высказана Ю.Е. Кайгородовой и В.А. Лопаткиным: они отмечают интересное противоречие содержания исследуемой ст. 23 УПК РФ и ч. 5 ст. 20 УПК РФ, согласно которой составы, не перечисленные в ч. 2 и 3 этой статьи, являются делами публичного обвинения. Кроме того, они обращают внимание на неопределенность процессуальной перспективы производства по делам о коммерческих преступлениях, если после возбуждения уголовного дела заявитель откажется от уголовного преследования либо будет отозвано согласие на него. Необходимость наличия определенных обстоятельств причинения преступлением вреда, носящих оценочный характер, по мнению авторов, свидетельствует о том, что это «специфический вид уголовно-процессуального обвинения» [12, с. 196].

Таким образом, стоит согласиться с их мнением о включении составов гл. 23 УК РФ в перечень дел частного-публичного обвинения, что позволило бы определиться с порядком производства по уголовным делам об этих преступлениях.

Список литературы

1. Азаренок Н.В., Никифорова Е.Ю. Проблемы возбуждения уголовных дел о преступлениях, совершаемых в сфере экономической деятельности (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) // Уголовное право. 2022. №6 (142). С. 73–79.
2. Александрова Л.А., Меженина Е.В. Об опыте привлечения юридических лиц к уголовной ответственности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канга. 2016. №3. С. 53–55.
3. Александрова Л.А., Никифорова Е.Ю. Признание взятки сделкой и вопросы межотраслевого регулирования при производстве по уголовному делу // Российский следователь. 2022. №3. С. 24-28.
4. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда по делу №22-2410/2020 // Сайт Свердловского областного суда. URL: <http://oblsud.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 06.08.2022).
5. Апелляционное постановление Кемеровского областного суда по делу № 22К-1105/2014 от 14 марта 2014 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BsPMV9I1JH6d/> (дата обращения: 27.07.2020).
6. Аширбекова М.Т., Попова М.В. О расширении надзорных полномочий прокурора при разрешении сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. №1 (60). С. 67–73.
7. Бархатова Е.Н., Вакутин А.А. Вопросы ограничения мошенничества в сфере предпринимательства от смежных составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Российский юридический журнал. 2019. №5 (128). С. 82–90.

8. Грибанова Д. В., Губко В. А. Значение бюджетной природы денежных средств для квалификации и установления надлежащего потерпевшего по делу // Уголовное право. 2022. №8(144). С. 20 – 28.
9. Дюмов Р. О. Защита прав потерпевших по экономическим преступлениям. Рекомендации адвокату // Уголовный процесс. 2019. №11. С. 35 – 41.
10. Изосимов С. В. К вопросу о применении принципа диспозитивности по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях // Юрист. 1999. №5-6. С. 26 – 27.
11. Изосимов С. В., Тюнин В. И., Степанов Ю. И. Преступления, совершаемые в сфере экономики : учеб. пособие. СПб., 2014.
12. Кайгородова Ю. Е., Лопаткин В. А. Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации: приглашение к дискуссии // Омский научный вестник. 2006. №8(45). С. 193 – 197.
13. Комова Ю. В. Преступления против интересов частных организаций. Как доказать незаконность возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. 2020. №6. С. 46 – 50.
14. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986.
15. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 104, №7. С. 57 – 63.
16. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2016 г. №08АП-9533/16 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/61530091/#friends> (дата обращения: 06.08.2022).
17. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. №24 // Российская газета. 2013. 16 июля.
18. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. №48 // Российская газета. 2016. 24 нояб.
19. Решение арбитражного суда Калининградской области от 10 июля 2020 г. по делу № А21-15628/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/sQqoUeMEKe1C/> (дата обращения: 05.08.2022).
20. Уголовный процесс : словарь-справочник / под ред. В. М. Савицкого. М., 1999.
21. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон №207-ФЗ от 29.11.2012 г. // Российская газета. 2012. 3 дек.
22. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : федер. закон от 14 ноября 2002 г. №161-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 02.12.2002. №48. Ст. 4746.
23. Филиппов П. А. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп: обзор судебной практики // Уголовное право. 2022. №11 (147). С. 42 – 57.
24. Яни П. Вред как элемент коммерческого подкупа // Российская юстиция. 2001. №4. С. 36 – 38.

Об авторе

Елизавета Владимировна Меженина – преп., Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия.

E-mail: mandragorium@mail.ru

E. V. Mezhenina

**INSTITUTION OF CRIMINAL PROCEEDINGS
FOR ECONOMIC OFFENCES**

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Received 20 February 2023

Accepted 3 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-2

24

To cite this article: Mezhenina E. V. 2023, Institution of criminal proceedings for economic offences, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 14–24. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-2.

At present, provisions of the law about an institution of criminal proceedings in the economic sphere are controversial. The order of criminal prosecution of such crimes also is not defined clearly. The purpose of the research is to develop the optimal scenario for initiating these criminal cases and determining the most appropriate procedure for their investigation. This study relied on the methods of comparative studies, analysis and synthesis. Using the method of comparative studies, the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation on the initiation of criminal cases in the economic sphere were compared. A graphic comparison was drawn between the content of part 3 of article 20 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation. The research proposed to change the text of the conditions under which the private-public procedure for the criminal prosecution of crimes in the economic sphere is applied, shifting the focus from the fact of causing harm to the direction of the act itself (Part 3, Article 20, Article 23 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). In addition, it is proposed to include the composition of Chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation in the list of cases of private-public prosecution to develop a single clear procedure for initiating these cases.

Keywords: economic crimes, legal proceedings, law, jurisprudence, economics

The author

Elizaveta V. Mezhenina, Lecturer, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: mandragorium@mail.ru